

Одного изъ нихъ я зналъ,—моложавый, но рыхлый блондинъ Оболенскій.

А другой—старичекъ, съ сѣденькой бородкой и слегка сутуловатый.

Подходить и рекомендуется:

— Суворинъ!—говорить.

— Очень пріятно.

Быль ясный, солнечный день, и мы усѣлись подъ деревомъ у павильона на скамейкѣ.

— Жаль,—началь Суворинъ,—что не засталъ Л. Н. А я къ нему за совѣтомъ.

— О, да, Левъ Николаевичъ—человѣкъ совѣта,—*L'hommel du conseil*,—пояснилъ свѣтскій Оболенскій.

— Я, собственно, хотѣлъ поговорить со Львомъ Николаевичемъ на счетъ его сочиненій. Вотъ онъ отрекся отъ литературной собственности и позволяетъ всякому печатать его послѣднія произведенія. Согласитесь, что это нераціонально. Начнутъ издавать всякіе издатели со своими вставками, описками и ошибками,—и черезъ нѣкоторое время мы не узнаемъ сочиненій Льва Николаевича. Потомство будетъ читать ихъ въ извращенномъ видѣ, и мысли нашего писателя получатъ совершенно иную форму, а иногда и смыслъ иной. Этого допустить не слѣдуетъ. Вотъ я и хотѣлъ предложить, чтобы онъ мнѣ передалъ право изданія.

Я улыбнулся.

— Что-жъ вы думаете, онъ не согласится?

— Кажется...

Послѣдовала неловкая пауза.

— А вотъ кстати,—вспомнилъ я,—Л. Н. получилъ отъ одного изъ вашихъ подписчиковъ письмо, въ которомъ онъ проситъ отвѣтить ему черезъ вашу газету.

И я передалъ ему содержаніе письма.

Суворинъ слушалъ, нагнувши низко голову, и чертилъ бывшимъ у него въ рукахъ зонтикомъ фигуры на снѣгу.

— Да, конечно,—началь онъ, когда я кончилъ,—это нѣсколько неудобная постановка вопроса. Но вы должны знать, что направленіе моей газеты...